

Пространственная трансформация миграционной системы в период кризиса*

М. М. Агафошин, С. А. Горохов, Р. В. Дмитриев

Институт Африки Российской академии наук,
Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

Для цитирования: Агафошин, М. М., Горохов, С. А., Дмитриев, Р. В. (2023). Пространственная трансформация миграционной системы в период кризиса. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, 68 (1), 29–43. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.102>

Статья посвящена выявлению особенностей функционирования миграционных систем в кризисные периоды, характеризующиеся масштабным увеличением потоков вынужденных мигрантов. На примере системы «арабские страны Азии — Европейский союз» авторы анализируют события европейского миграционного кризиса. Трансформация миграционной системы рассматривается в рамках предлагаемого авторами географического варианта традиционной трехстадийной модели миграционного процесса: в рамках первой стадии анализируются перемещения внутри региона формирования миграционных потоков; в рамках второй — перемещения между регионами формирования и аккумуляции миграционных потоков в пределах транзитных регионов; в рамках третьей — перемещения внутри региона аккумуляции миграционных потоков. Резкое увеличение численности вынужденных мигрантов приводит к изменению их подвижности на каждой стадии, а также к расширению пространства миграционной системы по сравнению с таковым в некризисные периоды. При этом имеет место усложнение структуры системы за счет формирования не только первичного и вторичного транзитных регионов, но и в их пределах соответственно моно- и полиостных миграционных маршрутов. Опираясь на рассчитанные значения модифицированного индекса мозаичности, авторы приходят к выводу о резком снижении степени диверсификации маршрутов передвижения мигрантов в кризисные периоды. Результатом размещения мигрантов внутри региона, их аккумуляции становится увеличение их территориальной концентрации. Определено, что политика европейских властей по выравниванию территориальных диспропорций в расселении мигрантов почти не имела успеха. Дальнейшее увеличение концентрации мигрантов в крупнейших городских агломерациях в результате самоорганизованных перемещений приводит к усугублению этнической и конфессиональной эксклюзии мигрантского населения.

Ключевые слова: миграционный кризис, миграционная система, беженцы, Европейский союз, арабские страны Азии.

1. Введение

Со второй половины XX в. под воздействием процессов глобализации происходит интенсификация миграций населения. Возрастающее влияние миграционных процессов на социально-экономическое, культурное, политическое развитие

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

стран и регионов мира выдвинуло миграционную тематику в авангард научных исследований. Наиболее остро вопрос о решении порождаемых международной миграцией проблем поставили прежде всего миграционные кризисы последних лет — европейский и венесуэльский, в результате которых резко возросло количество вынужденных мигрантов. Оба миграционных кризиса начались фактически синхронно в 2015 г. Несмотря на то что они были порождены различными причинами и разворачивались в разных полушариях, их роднят масштабы и глобальные экономические, культурные и политические последствия (Потемкина, 2016; Vuonanno, 2017; Кудеярова и Розенталь, 2020). С 2015 по 2019 г. на территорию ЕС — прежде всего из Сирии и Ирака, а также из других стран Ближнего Востока и Африки — попали более 4.4 млн беженцев, то есть почти столько же, сколько за предыдущие полтора десятилетия [Eurostat, 2021; 2022]¹. За тот же период свою родину покинули не менее 5.4 млн венесуэльцев, основной поток которых направился в соседние страны Латинской Америки [R4V, 2021].

Масштабное увеличение потоков вынужденных мигрантов² приводит к трансформациям миграционных систем и становится серьезным системным вызовом для составляющих их стран. Миграционные кризисы продемонстрировали существующие изъяны и сложности в реализации миграционной политики, поставив во главу угла вопросы социальной адаптации беженцев к жизни в принимающих их обществах (Казьмина, 2017; Толмачева, 2019). Нарастание экономической и социальной нагрузки на принимаемые общества со стороны мигрантов (Волков, 2018), увеличение социальных проблем и распространение радикализма (Андреева, 2019; Русаков и Русакова, 2019; Горохов и др., 2020) становятся значимыми проблемами внутренней и внешней политики стран, аккумулирующих потоки мигрантов, а также транзитных стран и требуют выработки их скоординированных решений.

2. Материалы и методы исследования

В основу настоящего исследования положена концепция миграционных систем. Ее основы были разработаны нигерийским географом А. Мабогунье (Mabogunje, 1970), обратившим внимание на пространственную детерминированность миграционных потоков. Концепция получила множество положительных откликов в научном сообществе, ее усовершенствование было проведено как зарубежными (Fawcett and Arnold, 1987; Portes and Borocz, 1989; Massey et al., 1998), так и отечественными исследователями (Абрамова, 2015; Савоскул, 2015); она базируется на использовании системного подхода, что позволяет трансформировать в ее рамках другие теории и концепции.

Под миграционной системой (МС) мы, вслед за И. В. Ивахнюк (Ивахнюк, 2008, 14), понимаем группу стран, между которыми существуют относительно масштабные и устойчивые миграционные связи, обусловленные взаимодействием на

¹ Информационно-статистические интернет-источники, которые послужили базой данных проведенного исследования, в рамках статьи взяты в квадратные скобки и размещены в конце статьи в специально созданном приложении.

² В период миграционного кризиса крайне сложно однозначно определить традиционные категории мигрантов; в этой связи здесь и далее под «мигрантами», «беженцами», «вынужденными мигрантами», «переселенцами», «искателями убежища» понимаются все индивидуумы, осуществляющие перемещения в рамках маршрутов миграционной системы.

Таблица. Стадии миграционного процесса: социально-демографическая и географическая схемы

№ стадии	Стадии миграционного процесса	
	Социально-демографическая (по Л. Л. Рыбаковскому)	Географическая адаптация для случая миграционной системы
1	Формирование подвижности	Перемещение внутри региона формирования миграционных потоков
2	Собственно переселение	Перемещение между регионами формирования и аккумуляции миграционных потоков в пределах транзитного(-ых) региона(-ов)
3	Приживаемость новоселов	Расселение внутри региона аккумуляции миграционных потоков

Составлено авторами на основе собственных разработок и по: (Рыбаковский, 1973).

территориях входа и выхода мигрантов широкого ряда факторов: экономических, социальных, исторических, культурных, политических, демографических и др., приводящих к структурным трансформациям на территориях въезда и выезда мигрантов.

Изменения структуры МС рассматриваются нами с опорой на концепцию трехстадийности миграционного процесса Л. Л. Рыбаковского (Рыбаковский, 1973). В рамках предложенного нами ее географического варианта (таблица) мы выделяем последовательные стадии перемещения в пределах региона формирования миграционных потоков, транзитных регионов и региона аккумуляции миграционных потоков. Важный индикатор изменения структуры МС — модифицированный индекс мозаичности (МИМ) (Горохов, 2014), который позволяет судить об уровне территориальной диверсификации миграционных потоков между входящими в ее состав регионами³ и определяется выражением

$$\text{МИМ} = \frac{1 - \sum_{i=1}^m \pi_i^2}{1 - 1/m}, \quad (1)$$

где m — количество используемых миграционных маршрутов между регионами, входящими в МС; π — доля i -го миграционного маршрута в общей численности передвижений между регионами МС.

Шкала полученных значений позволяет интерпретировать уровень территориальной диверсификации потоков в интервале от 0 до 1:

- 1) крайне низкий — 0.000–0.280;
- 2) низкий — 0.281–0.556;
- 3) высокий — 0.557–0.820;
- 4) крайне высокий — 0.821–1.000.

³ Под мощностью миграционного потока здесь и далее мы понимаем количество зафиксированных пересечений внешних границ ЕС сирийцами и иракцами по основным миграционным маршрутам (морской и сухопутный Восточно-Средиземноморский, Центрально-Средиземноморский, Западно-Средиземноморский, Черноморский, Западно-Африканский, круговой миграционный маршрут между Албанией и Грецией, маршрут через восточные границы ЕС), выделяемым агентством по безопасности внешних границ ЕС [Frontex, 2022a].

Под миграционным кризисом мы понимаем состояние МС, возникающее вследствие масштабного в территориальном и краткого во временном отношении выбытия большого количества жителей из регионов формирования миграционных потоков, их перемещения и размещения в пределах транзитного региона и последующего прибытия в регионы аккумуляции миграционных потоков. При этом гипотеза исследования состоит в следующем: *во время кризиса по сравнению с некризисными периодами имеет место снижение степени диверсификации миграционных потоков между составными единицами МС, которое приводит к изменению ее пространственной структуры.*

Доказательство гипотезы осуществляется нами на примере МС «арабские страны Азии — ЕС»: это обусловлено определяющим вкладом миграции из арабских стран Азии — особенно из Сирии и Ирака — в формирование Европейского миграционного кризиса. Информационно-статистической базой исследования послужили публикации Международной организации по миграции о численности и направлениях перемещений вынужденных мигрантов в пределах региона формирования миграционных потоков [ИОМ, 2014; ДТМ, 2014] и данные Управления по координации гуманитарных вопросов ООН [Humanitarian Response, 2014; ОСНА, 2014]. К выводам об изменении пространства миграционной системы позволили прийти материалы Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев [UNCHR, 2022a; 2022b], а данные агентства по безопасности внешних границ ЕС [Frontex, 2022a; 2022b] позволили выявить особенности их перемещений по основным миграционным маршрутам в пределах транзитного региона и число незаконных пересечений внешних границ ЕС. Данные о количестве прошений о предоставлении статуса беженца в странах аккумуляции миграционных потоков были получены из отчетов статистической службы Евростат [Eurostat, 2021; 2022].

3. Результаты исследования

При *обычном функционировании МС*, как правило, преобладают легальные добровольные (трудовые, семейные и др.) миграции, основная часть перемещений между регионами формирования и аккумуляции миграционных потоков происходит вполне осознанно, подготовка к переселению в другую страну длится достаточно долго. Потоки мигрантов не характеризуются аномальной мощностью; собственно перемещение осуществляется посредством прежде всего воздушного транспорта из немногочисленных международных аэропортов региона их формирования в определенные центры региона аккумуляции, выбранные мигрантами заранее еще на родине. Сравнительно менее многочисленные передвижения по суше имеют направленность к пограничным с транзитным регионом территориям. Переселенцы стремятся как можно быстрее преодолеть его и достичь региона аккумуляции, распределяясь в пределах последнего достаточно равномерно относительно уже сформировавшейся структуры размещения мигрантов. Таким образом, транзитный регион практически не участвует в формировании пространства миграционной системы, а взаимодействие осуществляется между двумя частями системы (верхняя часть рис. 1).

К *кризису МС* приводит аномальное увеличение мощности миграционных потоков, обусловленное внезапным ухудшением обстановки в регионе их формирования

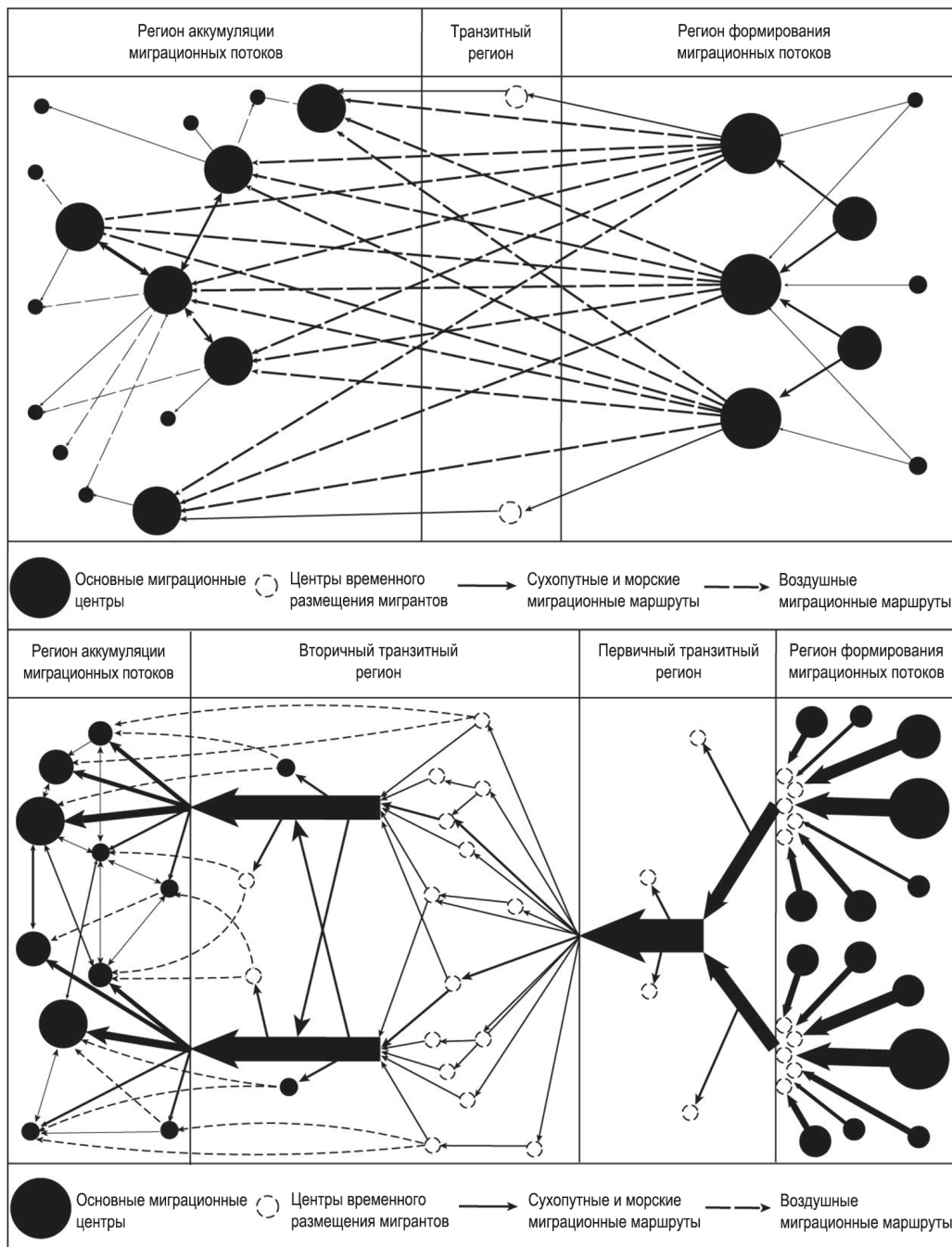

Рис. 1. Структура миграционной системы в докризисный (сверху) и кризисный (снизу) периоды

в связи с обострением военно-политической ситуации, природными катаклизмами и т. п. В результате в потоке начинают преобладать вынужденные мигранты, решение о переселении принимается ими в короткие сроки и зачастую является непродуманным. События, происходящие в регионах формирования потоков, приводят либо к снижению интенсивности авиасообщения со странами их аккумуляции, либо к его полной остановке. Таким образом, на первой стадии формируются преимущественно сухопутные миграционные маршруты, которые направлены в сторону транзитного региона, на пограничных территориях с которым появляются центры временного размещения мигрантов (нижняя часть рис. 1).

В результате происходит трансформация второй стадии миграционного процесса за счет активного вовлечения в перемещение и расселение мигрантов стран транзитного региона. Имеет место усложнение структуры последнего — в нем выделяются две составляющие: 1) первичный транзитный регион — в пределах стран, через которые пролегают основные маршруты; 2) вторичный транзитный регион — территории, где миграционные потоки разветвляются: моноостные маршруты сменяются полиостными, связывающими многочисленные лагеря временного размещения. Однако затем миграционными службами транзитных государств вновь организуются моноостные маршруты, по которым мигранты следуют в страны аккумуляции. Именно в результате активного вовлечения в перемещение мигрантов транзитных регионов в период кризиса происходит расширение пространства самой миграционной системы, а увеличение продолжительности процесса переселения приводит к ее расширению во временном отношении.

На третьей стадии в регионе аккумуляции вновь происходит увеличение числа миграционных маршрутов за счет их разветвления, вызванного перераспределением мигрантов (организованным или стихийным) между странами региона, а также внутри этих стран.

4. Обсуждение результатов

Триггером Европейского миграционного кризиса — одного из наиболее значимых⁴ по своим политическим и социально-экономическим последствиям со времен Второй мировой войны — стали последствия «арабской весны». За период с 2010 по 2014 г. в пределах ЕС было зарегистрировано более 1.68 млн беженцев; аномальное увеличение мощности потока произошло в 2015–2019 гг.: на территорию ЕС прибыли 4.4 млн беженцев, в том числе 1.4 млн из арабских стран Азии. Пик миграционной нагрузки пришелся на 2015 и 2016 гг., когда европейские страны приняли 2.5 млн беженцев [Eurostat, 2022]. Ключевую роль в формировании миграционного кризиса сыграл резкий рост числа беженцев из Сирии и Ирака, на долю которых в общем количестве беженцев в ЕС за период с 2015 по 2019 гг. пришлось более 87 % всех вынужденных переселенцев из арабских стран Азии в ЕС [Eurostat, 2022].

К существенному росту миграционной подвижности населения Сирии и Ирака привело активное распространение здесь исламистских организаций — прежде всего запрещенной в РФ экстремистской суннитской террористической группировки ИГ («Исламское государство») (Долгов, 2016). В результате территориальной

⁴ Наравне с кризисом 1990-х годов, который был вызван войнами на территории бывшей Югославии.

экспансии исламистов за период с января 2014 по декабрь 2015 г. под их контролем оказалось не менее 280 тыс. км² территории Ирака (частично или полностью — 6 провинций страны) и Сирии (11 провинций). Их население было вынуждено покинуть места своего проживания (*регионы формирования миграционных потоков*) и перебираться в другие районы как внутри своих стран, так и за рубежом.

В некризисные периоды функционирования МС «арабские страны Азии — ЕС» желающие мигрировать в ЕС с целью трудоустройства, получения образования или воссоединения с членами семьи граждане Сирии и Ирака направлялись преимущественно в крупные города своих стран. Через располагавшиеся здесь немногочисленные международные аэропорты они воздушными маршрутами попадали в страны аккумуляции миграционных потоков, выбранные в качестве места дальнейшего проживания. Однако в ходе наступления исламистов работа международных аэропортов была зачастую приостановлена или даже прекращена. В результате население было вынуждено экстренно покидать зоны военных действий, используя *сухопутные*, а в дальнейшем и *морские маршруты*, не имея достаточно времени для подготовки и принятия обдуманного решения о переселении. При этом в районах пограничных переходов, связывающих Сирию и Ирак с соседними государствами, происходило формирование зон концентрации беженцев, представленных многочисленными лагерями для внутренне перемещенных лиц. В Ираке в таких лагерях в 2014–2015 гг. проживали более 1.3 млн [DTM, 2014; IOM, 2014], а в Сирии — 1.57 млн внутренне перемещенных лиц [Humanitarian Response, 2014; ОСНА, 2014]. Дальнейшие передвижения сирийцев и иракцев, стремящихся достичь территории стран ЕС, осуществлялись с использованием сухопутных или морских маршрутов: в период миграционного кризиса происходит более активное вовлечение в МС «арабские страны Азии — ЕС» *транзитных регионов*. Под первичным транзитным регионом мы подразумеваем территории стран Азии (прежде всего Турции, а также Иордании и Ливана⁵) и Северной Африки (Египет, Ливия, Тунис и др.), через которые пролегают основные миграционные маршруты в ЕС.

В докризисный период 2009–2014 гг., несмотря на преобладание перемещений посредством воздушного транспорта, мигранты из арабских стран использовали и альтернативные (сухопутные и морские) маршруты. Так, сирийцы попадали в ЕС по трем маршрутам, практически равнозначным по количеству перемещавшихся по ним мигрантов: морскому (через Эгейское море из Турции в Грецию) и двум сухопутным (через турецко-греческую и турецко-болгарскую границы) — Восточно-Средиземноморскому, а также Центрально-Средиземноморскому, проходящим через страны Северной Африки. Ситуация для выходцев из Ирака в 2009–2014 гг. складывалась несколько иначе: сухопутный Восточно-Средиземноморский маршрут превалировал по количеству перемещавшихся по нему иракцев (более 60%), на морской Восточно-Средиземноморский и Центрально-Средиземноморский приходилось примерно по 20%. Миграционный кризис способствовал перераспределению потоков из Сирии и Ирака в ЕС, результатом которого стало резкое доминирование именно морского Восточно-Средиземноморского маршрута. Во время

⁵ На территории данных стран были организованы лагеря беженцев, в которых разместились миллионы вынужденных мигрантов [UNCHR, 2022a; 2022b].

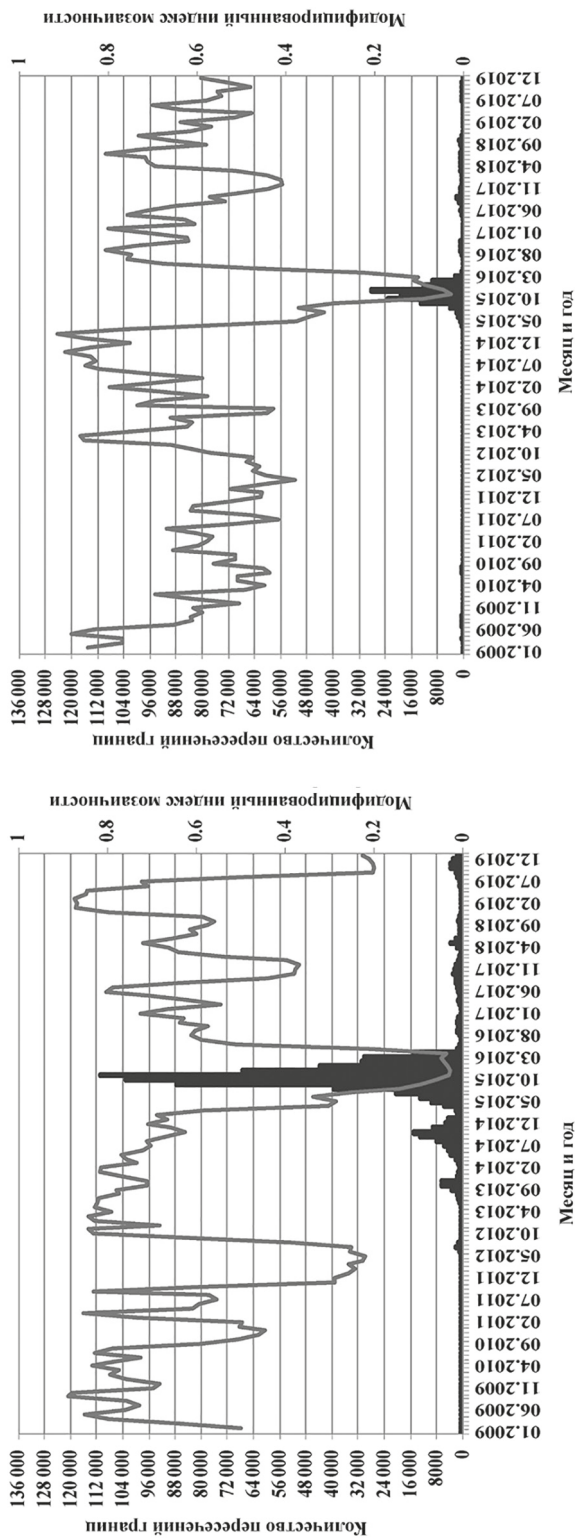
пика миграции, в период с апреля 2015 по апрель 2016 г., им воспользовались более 97 % сирийских и 96 % иракских беженцев [Frontex, 2022a; 2022b].

Показатели МИМ, рассчитанные по всей совокупности потоков на каждый месяц 2009–2019 гг. (рис. 2), демонстрируют существенное снижение их территориальной диверсификации в период аномального по масштабам и при этом достаточно скоротечного увеличения численности иммигрантов из Сирии и Ирака на границах ЕС (с апреля 2015 по апрель 2016 г.). В целом средние ежемесячные значения МИМ находятся в интервале 0.557–0.820, что говорит о высокой степени территориальной диверсификации в результате относительно равномерного распределения мигрантов из Сирии и Ирака между многими маршрутами. Наиболее значительные снижения МИМ до крайне низкого уровня наблюдались в период с апреля 2015 по апрель 2016 г., что свидетельствует о доминировании одного маршрута миграции сирийцев и иракцев в ЕС. В ноябре 2015 г. значение МИМ для миграционных потоков приобрело минимальное значение за весь рассматриваемый период: столь сильное снижение свидетельствует о перераспределении миграционных потоков в сторону абсолютного преобладания одного из них — морского Восточно-Средиземноморского.

Снижение территориальной диверсификации может происходить и без стремительного увеличения числа мигрантов (как в период лета 2012 г. и осени 2019 г. для потока сирийцев), например за счет невозможности использования тех или иных маршрутов, однако в кризисный период оно имеет место обязательно. *Таким образом, следствием миграционного кризиса является резкое снижение территориальной диверсификации маршрутов передвижения мигрантов в МС «арабские страны Азии — ЕС».*

Преодолевая первичный транзитный регион в период миграционного кризиса по морскому Восточно-Средиземноморскому маршруту, беженцы достигали территории ЕС, попадая в Грецию и другие страны Балканского полуострова. Важно отметить, что на территории ЕС, согласно Дублинскому регламенту, ответственность за рассмотрение заявлений о предоставлении убежища лицам, ищущим международной защиты, лежит на государстве, через которое проситель убежища впервые въехал в ЕС [EUR-Lex, 2013]: в данном случае, как правило, на Греции. Однако миграционные службы Греции и других балканских стран оказались не готовы к обработке огромного количества заявлений просителей убежища и приостановили их регистрацию на своей территории.

Поскольку Греция и другие балканские, а также восточноевропейские страны ЕС не являлись конечной целью перемещения для большинства мигрантов, их мы относим ко *вторичному транзитному региону*. В его пределах миграционные потоки разветвлялись, происходило накопление беженцев на приграничных территориях и в крупных городских агломерациях, где возникали центры временного размещения для просителей убежища. Сеть последних постепенно расширялась за счет расселения мигрантов в созданных позднее центрах размещения в странах, расположенных на основном пути их движения в Западную и Северную Европу. Первоначально на рубеже 2015 и 2016 гг. беженцы преимущественно концентрировались на территории греческих островов (Родос, Кос, Самос, Хиос, Лесбос, Лемнос и др.), а также на сухопутной греко-турецкой границе. Впоследствии центры временного размещения возникли на территории ЕС (в Болгарии, Румынии, Венгрии,

■ Количество зафиксированных пересечений границы ЕС, чел. (левая ось) — Значения МПМ по миграционным маршрутам, долей единицы (правая ось)

Рис. 2. Ежемесячное количество зафиксированных пересечений внешних границ ЕС сирийцами (слева) и иракцами (справа) и МИМ по используемым ими маршрутам перемещений в пределах первичного транзитного региона, 2009–2019 гг.

Рассчитано и составлено авторами по: [Frontex, 2022a; 2022b]

Хорватии и Словении)⁶, а также европейских стран вне ЕС — Северной Македонии, Сербии, Албании, Черногории, Боснии и Герцеговины [ИОМ, 2022]. Вследствие ужесточения пограничного контроля и начала строительства некоторыми странами вторичного транзитного региона системы заграждений на границе многочисленные неорганизованные миграционные маршруты снова сливались в два организованных потока: 1) из Венгрии и Словении далее на север — через Австрию в Германию, Данию и Швецию; 2) из Словении на запад — в направлении Франции, стран Бенилюкса и Великобритании.

Таким образом, мигранты попадали в *регион аккумуляции миграционных потоков* — страны Западной и Северной Европы. Их миграционные службы, столкнувшись в период кризиса с аномальным ростом числа искателей убежища, решали задачу максимально равномерного распределения переселенцев по ЕС в целом и своей территории в частности. Цель программы перераспределения состояла в ослаблении миграционного давления со стороны искателей убежища на Грецию; она реализовывалась в соответствии с разработанной системой квотирования, учитывающей социально-демографические и экономические показатели входящих в ЕС стран: 1) объем ВВП (40 %); 2) численность населения (40 %); 3) уровень безработицы (10 %); 4) количество уже принятых просителей убежища (10 %) [EUR-Lex, 2015]. Перераспределение мигрантов носило моноочаговый характер: оно осуществлялось из Греции в рамках разветвленной системы направлений по воздуху.

Тем не менее опыт европейского миграционного кризиса показывает, что перераспределение беженцев между странами аккумуляции сталкивается с серьезными политическими и социокультурными трудностями (Агафшин, 2020; Малахов и Касцян, 2020) и вызывает негативную реакцию многих стран ЕС, которые фактически отказывались принимать их у себя (Потемкина, 2015). Так, из 66,5 тыс. чел., которые в 2015–2016 гг. попали в программу квотирования, были перераспределены лишь 22 тыс., что впоследствии привело к фактическому отказу от системы квот на беженцев в ЕС [UNHCR, 2018].

Что касается организации равномерного расселения мигрантов по административным единицам стран аккумуляции миграционных потоков, то она смогла принести лишь временные результаты. После прохождения пика миграционного кризиса в 2015–2016 гг. наблюдалось уже самостоятельное распределение переселенцев из Сирии и Ирака по территории стран аккумуляции, что привело к формированию разветвленной сети внутренних миграционных маршрутов. Таким образом, самоорганизация расселения мигрантов в крупнейшие городские агломерации небольшого числа стран Северной и Западной Европы — прежде всего Германии, Швеции и Нидерландов (на эти три страны приходится более 70 % всех мигрантов из Сирии и Ирака в ЕС) — усугубила здесь процессы этнической и конфессиональной эксклюзии мигрантов, став причиной формирования параллельных сообществ на территориях их компактного проживания (Осипов и др., 2016; Agafoshin and Gorokhov, 2020; Андреева и др., 2021).

⁶ После окончания пиковой фазы миграционного кризиса в ряде стран (Венгрия, Хорватия) центры размещения беженцев были ликвидированы.

5. Выводы

1. На основе адаптированной концепции трехстадийности миграционного процесса, в рамках которой анализируются перемещения и особенности размещения мигрантов внутри региона формирования миграционных потоков, в пределах транзитных регионов, а также внутри региона аккумуляции потоков авторами разработана структурная модель миграционной системы, характеризующая ее функционирование в период миграционного кризиса и некризисные периоды.

2. На примере системы «арабские страны Азии — ЕС» показано, что миграционный кризис имеет своим следствием резкое снижение территориальной диверсификации маршрутов передвижения мигрантов между регионами формирования миграционных потоков и их аккумуляции.

3. В период кризиса в результате активного вовлечения в процесс перемещения мигрантов транзитных регионов происходит расширение пространства миграционной системы по сравнению с таковым в некризисные периоды. В структуре миграционной системы формируются первичный транзитный регион, образованный странами, через которые пролегают основные маршруты перемещений мигрантов, и вторичный транзитный регион, в пределах которого происходит сначала разветвление миграционных маршрутов, а затем их организованное объединение. Таким образом, для транзитного региона характерно чередование моно- и полиостных миграционных маршрутов.

4. Размещение переселенцев в странах ЕС, аккумулирующих потоки мигрантов, в период миграционного кризиса характеризуется их высокой концентрацией в относительно небольшом количестве стран региона. Инициативы их властей по более равномерному распределению переселенцев привели к минимальным результатам. Самостоятельное распределение мигрантов внутри стран региона приводит к их дальнейшей территориальной концентрации, усугубляя тем самым последствия миграционного кризиса.

Литература

- Абрамова, И. О. (2015). Африканская трансграничная миграция и проблемы международной безопасности. *Ученые записки Института Африки РАН*, 2 (33), 127–136.
- Агафшин, М. М. (2020). Миграционный фактор трансформации политического ландшафта в странах Евросоюза. *Геополитика и экогеодинамика регионов*, 6 (3), 116–125. <http://doi.org/10.37279/2309-7663-2020-6-3-116-125>
- Андреева, Л. А. (2019). Исламизация Германии: «параллельное» мусульманское общество и светское государство. *Современная Европа*, 5 (91), 110–122. <http://doi.org/10.15211/soveurope52019110121>
- Андреева, Л. А., Следзевский, И. В., Смирнов, М. Ю., под ред. (2021). *Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен «параллельных» обществ в системе международно-политических отношений* (2021). СПб.: Владимир Даль.
- Волков, А. М. (2018). Мигранты в странах Северной Европы: шведский подход. *Вестник Института экономики Российской академии наук*, 4, 104–119.
- Горохов, С. А. (2014). Религиозная мозаичность как фактор экономического развития регионов современного мира. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, 4, 56–61.
- Горохов, С. А., Агафшин, М. М., Дмитриев, Р. В. (2020). Сомалийцы в Швеции: региональное изменение. *Современная Европа*, 7 (100), 132–143. <http://doi.org/10.15211/soveurope72020150161>

- Долгов, Б. В. (2016). «Исламское государство»*: причины возникновения и перспективы. *Азия и Африка сегодня*, 6, 2–10.
- Ивахнюк, И. В. (2008). *Формирование и функционирование Евразийской миграционной системы*. Автореферат дис. ... д-ра экон. наук.
- Казьмина, О. Е. (2017). Государство, школа и церковь: объединение усилий в адаптации и интеграции беженцев и иммигрантов в США. *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*, 2, 3–22.
- Кудеярова, Н. Ю. и Розенталь, Д. М. (2020). Венесуэльский миграционный кризис: демография, нефть и государство. *Латинская Америка*, 6, 42–56. <http://doi.org/10.31857/S0044748X0009592-0>
- Малахов, В. С. и Касцян, К. А. (2020). Евросоюз перед лицом вынужденной миграции: политическое и юридическое измерение. *Полис. Политические исследования*, 4, 139–151. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.10>
- Осипов, Г. В., Рязанцев, С. В., Храмова, М. Н., Гаджимурадова Г. И. (2016). *Миграционный кризис и формирование мусульманских общин в Европе: тенденции и последствия*. М.: ФГБУН РАН.
- Потемкина, О. Ю. (2015). Миграционный кризис в ЕС: роль стран Вишеградской группы. *Современная Европа*, 6, 36–45. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620153645>
- Потемкина, О. Ю. (2016). Миграционный кризис и политика Европейского союза. *Актуальные проблемы Европы*, 4, 38–60.
- Русаков, В. М. и Русакова, О. Ф. (2019). No-Go-Zone и проблемы суверенитета западноевропейских государств. *Свободная мысль*, 5 (1677), 115–128.
- Рыбаковский, Л. Л. (1973). *Региональный анализ миграций*. М.: Статистика.
- Савоскул, М. С. (2015). Территориальные системы международных миграций населения. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, 6, 11–18.
- Толмачева, А. Ю. (2019). Мигранты-мусульмане в Германии: проблемы адаптации и интеграции. *Социологическая наука и социальная практика*, 3 (27), 57–71. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.3.6689>
- Agafoshin, M. M. and Gorokhov, S. A. (2020). Impact of external migration on changes in the Swedish religious landscape. *Baltic Region*, 12 (2), 84–99. <https://doi.org/10.5922/2078-8555-2020-2-6>
- Buonanno, L. (2017). The European Migration Crisis. In: D. Dinan, N. Nugent, W. E. Patterson, eds, *The European Union in Crisis*. London: Palgrave Macmillan, 100–130. https://doi.org/10.1057/978-1-137-60427-9_6
- Fawcett, J. T. and Arnold, F. (1987). Explaining Diversity: Asia and Pacific Immigration Systems. In: J. T. Fawcett, B. V. Carino, eds, *Pacific Bridges: The New Immigration from Asia and the Pacific Islands*. New York: Center for Migration Studies, 453–473.
- Mabogunje, A. L. (1970). System approach to a Theory of Rural-Urban Migration. *Geographical analysis*, 2 (1), 1–18. <https://doi.org/10.1111/j.1538-4632.1970.tb00140.x>
- Massey, D. S., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, J. E. (1998). *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*. Oxford: Oxford University Press.
- Portes, A. and Borocz, J. (1989). Contemporary Immigration: Theoretical Perspectives on its Determinants and Models of Incorporation. *International Migration Review*, 23 (3), 606–630.

Статья поступила в редакцию 26 июня 2022 г.
Статья рекомендована к печати 9 января 2023 г.

Контактная информация:

Агафошин Максим Михайлович — agafoshinmm@gmail.com
Горохов Станислав Анатольевич — stgorohov@yandex.ru
Дмитриев Руслан Васильевич — dmitrievrv@yandex.ru

* Организация признана террористической и запрещена в РФ.

Spatial transformation of the migration system during the crisis*

M. M. Agafoshin, S. A. Gorokhov, R. V. Dmitriev

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences,
30/1, ul. Spiridonovka, Moscow, 123001, Russian Federation

For citation: Agafoshin, M. M., Gorokhov, S. A., Dmitriev, R. V. (2023). Spatial transformation of the migration system during the crisis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, 68 (1), 29–43. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.102> (In Russian)

The article devotes to identify the features of the functioning of migration systems in crisis periods characterized by extensive increase of forced migrants' flows. The events of the European migration crisis are analyzed in the case of "Arab countries of Asia — The European Union" migration system. The transformation of the migration system is considered within the framework of geographical variant of the traditional three-stage model of migration process proposed by the authors. At the first stage the movements within the region of migration flows formations are explored, the second — the movements between the regions of the formation and accumulation of migration flows within transit regions, the third — the movements within the region of the accumulation of migration flows. Quick increase in the number of forced migrants leads to changes in their flow characteristics at each stage, as well as to the expansion of the space of the migration system — compared with that in non-crisis periods. At the same time, there is a complication of the system's structure due to the formation of not only primary and secondary transit regions, but also mono- and poly-branched migration routes within their limits. The findings of the Modified Fractionalization Index (MFI) indicate about a significant decrease in the degree of diversification of migration routes during crisis periods. The result of the distribution of migrants within the region of accumulation is an increase of their territorial concentration. The policy of the European authorities to equalize territorial disparities in the resettlement of migrants has had almost no success. A further increase in the concentration of migrants in the largest urban agglomerations resulting from self-organized movements leads to an aggravation of the ethnic and confessional exclusion of the migrant population.

Keywords: migration crisis, migration system, refugees, European Union, Arab countries of Asia.

References

- Abramova, I. O. (2015). African cross-border migration and international security issues. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*, 2 (33), 127–136. (In Russian)
- Agafoshin, M. M. (2020). Migration Factor of Transformation of the Political Landscape in the EU Countries. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*, 6 (3), 116–125. <http://doi.org/10.37279/2309-7663-2020-6-3-116-125> (In Russian)
- Agafoshin, M. M. and Gorokhov, S. A. (2020). Impact of external migration on changes in the Swedish religious landscape. *Baltic Region*, 12 (2), 84–99. <https://doi.org/10.5922/2078-8555-2020-2-6>
- Andreeva, L. A. (2019). Islamization of Germany: "Parallel" Muslim Society vs. Secular State. *Sovremennaiia Evropa*, 5 (91), 110–122. <http://doi.org/10.15211/soveurope52019110121> (In Russian)
- Andreeva, L. A., Sledzevsky, I. V., Smirnov, M. Yu., eds (2021). *Transformations of Global Confessional Geospace: The Phenomenon of "Parallel" Societies in the System of International Political Relations* (2021). St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ. (In Russian)

* The article was supported by the Russian Science Foundation, grant no. 22-18-00123, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00123/>.

- Buonanno, L. (2017). The European Migration Crisis. In: D. Dinan, N. Nugent, W.E. Patterson, eds, *The European Union in Crisis*. London: Palgrave Macmillan, 100–130. https://doi.org/10.1057/978-1-137-60427-9_6
- Dolgov, B. V. (2016). “Islamic State”*: Its Origin and Prospects. *Asia and Africa Today*, 6, 2–10. (In Russian)
- Fawcett, J. T. and Arnold, F. (1987). Explaining Diversity: Asia and Pacific Immigration Systems. In: *Pacific Bridges: The New Immigration from Asia and the Pacific Islands*. New York: Center for Migration Studies, 453–473.
- Gorokhov, S. A. (2014). Religious Fractionalization as a Factor of Regional Economic Development in the Modern World. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiia*, 4, 56–61. (In Russian)
- Gorokhov, S. A., Agafoshin, M. M., Dmitriev, R. V. (2020). Somalis in Sweden: Regional Dimension. *Sovremennaia Evropa*, 7 (100), 132–143. <http://doi.org/10.15211/soveurope72020150161> (In Russian)
- Ivakhniuk, I. V. (2008). *Formation and Functioning of the Eurasian Migration System*. Dr. Sci. thesis abstract. (In Russian)
- Kaz'mina, O. E. (2017). State, School and Church: Unified Efforts in the Adaptation and Integration of Refugees and Immigrants in the USA. *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*, 2, 3–22. (In Russian)
- Kudeyarova, N. Yu. and Rozental, D. M. (2020). Venezuelan Migration Crisis: Demography, Oil and the State. *Latinskaia Amerika*, 6, 42–56. <http://doi.org/10.31857/S0044748X0009592-0> (In Russian)
- Mabogunje, A. L. (1970). System approach to a Theory of Rural-Urban Migration. *Geographical analysis*, 2 (1), 1–18. <https://doi.org/10.1111/j.1538-4632.1970.tb00140.x>
- Malakhov, V. S. and Kascian, K. A. (2020). The EU's Migration Dilemma: Legal and Political Dimensions. *Polis. Political Studies*, 4, 139–151. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.10> (In Russian)
- Massey, D. S., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, J. E. (1998). *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*. Oxford: Oxford University Press.
- Osipov, G. V., Riazantsev, S. V., Khramova, M. N., Gadzhimuradova G. I. (2016). *Migration Crisis and the Formation of Muslim Communities in Europe: Trends and Consequences*. Moscow: Institute of Socio-Political Research of Russian Academy of Sciences Press. (In Russian)
- Portes, A. and Borocz, J. (1989). Contemporary Immigration: Theoretical Perspectives on its Determinants and Models of Incorporation. *International Migration Review*, 23 (3), 606–630.
- Potemkina, O. Iu. (2015). Migration Crisis in the EU: the Role of the Visegrad Group. *Sovremennaia Evropa*, 6, 36–45. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620153645> (In Russian)
- Potemkina, O. Iu. (2016). Migration Crisis and the Policy of the European Union. *Current Problems of Europe*, 4, 38–60. (In Russian)
- Rusakov, V. M. and Rusakova, O. F. (2019). No-Go-Zone and Problems of the Sovereignty of the West-European States. *Svobodnaia mysl'*, 5 (1677), 115–128. (In Russian)
- Rybakovskii, L. L. (1973). *Regional migration analysis*. Moscow: Statistika Publ. (In Russian)
- Savoskul, M. S. (2015). Territorial Systems of the International Migrations of Population. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiia*, 6, 11–18. (In Russian)
- Tolmacheva, A. Yu. (2019). Muslim Migrants in Germany: Problems of Adaptation and Integration. *Sociologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika*, 3 (27), 57–71. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.3.6689> (In Russian)
- Volkov, A. M. (2018). Migrants in the Nordic countries: a Swedish Approach. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, 4, 104–119. (In Russian)

Received: June 26, 2022
Accepted: January 9, 2023

Authors' information:

Maksim M. Agafoshin — agafoshinmm@gmail.com
Stanislav A. Gorokhov — stgorohov@yandex.ru
Ruslan V. Dmitriev — dmitrievrv@yandex.ru

* Organization is recognized as terrorist and forbidden in Russian Federation.

Приложение

Информационно-статистические интернет-источники

- DTM (2014). *Iraq — IDPs Master Lists Round 5*. [online] Доступно на: <https://displacement.iom.int/datasets/iraq-idps-master-lists-round-5> [Дата доступа 29.04.2022].
- EUR-Lex (2013). *Regulation (EU) No 604/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an application for international protection lodged in one of the Member States by a third-country national or a stateless person*. [online] Доступно на: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2013/604/oj> [Дата доступа 05.05.2022].
- EUR-Lex (2015). *Proposal for a REGULATION OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL establishing a crisis relocation mechanism and amending Regulation (EU) No 604/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an application for international protection lodged in one of the Member States by a third country national or a stateless person*. [online] Доступно на: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52015PC0450> [Дата доступа 05.05.2022].
- Eurostat (2021). *Asylum applicants by citizenship till 2007 — annual data (rounded)*. [online] Доступно на: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/migr_asyctz [Дата доступа 01.05.2022].
- Eurostat (2022). *Asylum and first time asylum applicants by citizenship, age and sex Annual aggregated data (rounded)*. [online] Доступно на: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/migr_asyappctza [Дата доступа 01.05.2022].
- Frontex (2022a). *Illegal border-crossing on entry between BCPs of the external borders of the Member States of the EU and Schengen Associated Countries, and aggregated by routes*. [online] Доступно на: <https://frontex.europa.eu/we-know/migratory-map> [Дата доступа 29.04.2022].
- Frontex (2022b). *Risk analysis*. [online] Доступно на: <https://frontex.europa.eu/documents-and-publications/> [Дата доступа 29.04.2022].
- Humanitarian Response (2014). *Syria Multi-Sectoral Needs Assessment (MSNA) 2014 — Final report*. [online] Доступно на: <https://www.humanitarianresponse.info/operations/stima/assessment/syria-multi-sectoral-needs-assessment-msna-final-report> [Дата доступа 28.04.2022].
- IOM (2014). *Humanitarian border management in the silk routes region — Afghanistan, Iraq and Pakistan*. [online] Доступно на: https://publications.iom.int/system/files/pdf/hbm_silk_routes_5nov2014.pdf [Дата доступа 30.04.2022].
- IOM (2022). *Flow Monitoring. Migrants Presence*. [online] Доступно на: <https://migration.iom.int/europe/migrants-presence> [Дата доступа 30.10.2022].
- ОСНА (2014). *Syrian Arab Republic: Border crossing points (as of 29 April 2014)*. [online] Доступно на: <https://reliefweb.int/map/syrian-arab-republic/syrian-arab-republic-border-crossing-points-29-april-2014> [Дата доступа 30.04.2022].
- R4V (2021). *Refugee and Migrant Response Plan (RMRP) 2021*. [online] Доступно на: <https://www.r4v.info/en/document/rmrp-2021> [Дата доступа 15.04.2022].
- UNHCR (2018). *Europe monthly report. July 2018*. [online] Доступно на: <https://data2.unhcr.org/en/documents/download/65357> [Дата доступа 25.04.2022].
- UNCHR (2022a). *Syria Regional Refugee Response*. [online] Доступно на: <https://data.unhcr.org/en/situations/syria> [Дата доступа 15.10.2022].
- UNCHR (2022b). *Refugee Data Finder*. [online] Доступно на: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics> [Дата доступа 15.10.2022].